

УДК 902.1(653)

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, Пермь, Сибирская, 24
Пермский научный центр УрО РАН, 614000, Пермь, ул. Ленина, 13а
belavin@pspu.ru
n.krylasova@mail.ru

Для выделения археологических культур важным условием является обоснование трансформации одной в другую. Традиционно границей между ломоватовской и родановской культурами считался IX в. Как показывают накопленные за последние 30 лет материалы трансформация произошла на рубеже XI и XII вв., когда с переходом к пашенному земледелию изменился хозяйственно-культурный тип, а также все категории материальной культуры. Обосновывается вывод о принадлежности Прикамских древностей X–XI вв. к ломоватовской культуре.

Ключевые слова: археологическая культура, периодизация, трансформация, ломоватовская и родановская культуры.

Археологический материал предстает перед археологами более или менее четко сгруппированным в археологические культуры, в которых отложились в преобразованном виде этнографические (но не обязательно этнические) культуры живых обществ прошлого [Клейн, 1999, с.52].

Вспомним, что такое археологическая культура и каковы ее признаки.

Существует множество определений археологической культуры. Мы не ставим сейчас перед собой задачу полного анализа их, тем более что такой анализ уже неоднократно предпринимался [Кудрявцева (Мельникова), 1985; Классификация..., 2013, с.58–65]), попробуем выделить общее.

Прежде всего необходимо отметить, что известные точки зрения на природу археологической культуры делятся на две большие группы.

С одной точки зрения, археологическая культура является материальным выражением реальных социальных групп и народов. Сторонников ее среди археологов подавляющее большинство. С другой точки зрения, археологическая культура – это искусственный конструкт, аналитическая категория, предназначенная для описания типологически близких между собой групп памятников. Иными словами, это абстракция, продукт мышления исследователя, «идеальный тип». В известной мере формирование археологической культуры является завершающим этапом археологической классификации и в то же время предпосылкой самой этой классификации [Классификация..., 2013, с.62]. Приверженцы такого подхода занимают более осторожную позицию относительно соотношения этнических общностей и археологических культур и считают, что, прежде чем выходить на уровень исторических и этногенетических реконструкций, необходимо разобраться с собственно археологическими источниковедческими вопросами. И с этим нельзя не согласиться, поскольку очень часто археологи, не разобравшись до конца во всем объеме источников, делают глобальные выводы об этносоциальных процессах, а когда появляются новые факты или на основе более углубленного анализа какой-либо группы источников формулируются иные выводы, не могут отказаться от выдвинутых ранее гипотез и продолжают их отстаивать, «не замечая» материалов, не укладывающихся в эти гипотезы. Именно поэтому в последнее время мы нацелены в первую очередь на более тщательный источниковедческий анализ имеющихся археологических коллекций.

Существуют различные точки зрения на методику выделения археологической культуры, возможности и методы ее интерпретации [Классификация..., 2013, с.63]. Критерии, по которым выделяются археологические культуры, условны. Как правило, основой выделения археологических культур является материальный комплекс, чаще всего – керамика, реже – другие артефакты.

Общепринято, что понятие «археологическая культура» отражает сходный *пространственно-временной* археологический комплекс. На практике большинство археологов исходят из допущения, что археологическая культура занимает замкнутую непрерывную территорию и непрерывный отрезок времени, хотя единого мнения о величине этих характеристик нет [Классификация..., 2013, с.63].

Хронологические рамки археологической культуры обычно определяются моментами культурной трансформации, чем бы они не были вызваны. Выделяются два основных обстоятельства трансформации: миграции и изменение хозяйственно-культурного типа [Сидоров].

Нижняя граница ломоватовской культуры определена довольно четко: «Начало ломоватовской культуры в Прикамье связано с притоком сюда нового населения из степных районов Приуралья или Южного Зауралья» [Голдина, 1985, с.9]. А рубеж между ломоватовской и родановской культурами выделен на основании того, что «поскольку целый ряд памятников прекращает использоваться в IX в. (Деменковский, Урынский, Каневский, Важгортский, Щукинский, Русиновский могильники), можно предполагать, что в этот период происходят какие-то серьезные перемены в жизни верхнекамского населения, повлекшие за собой качественные сдвиги в развитии материальной культуры коми-пермяков в конце I тысячелетия н.э. [Голдина, 1985, с.133]. В.А. Оборин нижнюю границу существования родановской культуры также обосновывает тем, что «большинство ломоватовских поселений и могильников функционируют до конца VIII – начала IX вв., а ранние родановские основываются с IX в. (по арабским монетам, найденным на Родановом городище и в Баяновском могильнике)» [Оборин, 1999, с.274]. Отметим, что на Деменковском могильнике, названном в числе прекративших существование в IX в., при раскопках в 2000-х гг. выявлены погребения и более позднего времени, такая же ситуация может быть и на других могильниках, где изучена лишь незначительная часть погребений. Баяновский могильник, который В.А. Оборин отнес к числу появившихся в раннеродановский период, им же датирован концом VIII–XI в. [Оборин, 1953, 1956]. Для характеристики погребального обряда родановской культуры В.А. Оборин опирался, в частности, на материалы Урынского, Каневского, Важгортского могильников, исчезновение которых в IX в., по мнению Р.Д. Голдиной, знаменовало завершение ломоватовской культуры. Таким образом, IX в. оказался принадлежащим двум археологическим культурам.

Территориальные рамки ломоватовской культуры обозначены Р.Д. Голдиной как «Верхняя Кама (от устья р. Чусовой)» [Голдина, 1985, с.4], территория родановской культуры в целом аналогична – «от Чусовского озера на севере до р. Чусовой на юге» [Оборин, 1999, с.260]. Применительно к этой территории оба автора использовали термин «Верхнее Прикамье». Но с географической точки зрения бассейн верхней Камы охватывает территорию только до впадения в Каму Вишеры, и в реальности памятники ломоватовской и родановской археологических культур занимают не только бассейн верхней, но и частично средней Камы. Поэтому с 1990-х гг. по отношению к этой территории частью археологов стал использоваться более верный географический термин «Пермское Предуралье».

Каждому периоду существования археологической культуры соответствует сохранение *определенного списка признаков*. Как отмечает О.М. Кудрявцева (Мельникова), в многочисленных определениях понятия «археологическая культура» четко прослеживается тенденция поиска общих признаков, что в силу специфики изучаемых эпох, определяющих характер археологического материала, оказывается чрезвычайно сложным [Кудрявцева (Мельникова), 1985, с.90]. Общего для всех археологических культур перечня признаков не существует, тем не менее, выделяя археологические культуры наиболее часто исследователи опираются на сходство типов древних предметов (орудий, керамики, украшений) и сооружений (погребений, остатков жилищ).

А.П. Смирнов на первое место среди признаков археологической культуры ставил *лепную керамику*, для изготовления которой использовались приемы, унаследованные от прошлого, и которая орнаментирована узорами, имевшими определенное значение для данного племени [Смирнов, 1964, с.6].

Пока еще никто не решился предпринять попытку трудоемкого специального исследования средневековой керамики Пермского Предуралья. Но и характеристика керамического комплекса, приведенная в обобщающих работах, посвященных ломоватовской и родановской культурам, в публикациях материалов отдельных памятников, позволяет сформировать общие представления о нем.

Суммируя выводы об *особенностях ломоватовской керамики*, выделенных Р.Д. Голдиной, можно отметить следующее: для состава глиняного теста характерна примесь толченой раковины, в меньшей степени – растительные примеси, песок, шамот; цвет поверхности сосудов серый или красновато-коричневый; поверхность большинства сосудов заглажена щепкой или пучком травы, отчего на ней четко выделяются штриховые полосы, но присутствуют и сосуды с гладкой поверх-

ностью; обжиг костровой; форма сосудов традиционная прикамская – чашевидные приземистые сосуды с округлым или слегка уплощенным дном. Формы венчиков разнообразны, преобладают плоские и округлые. Орнаментировались сосуды по венчику, шейке и плечу. В оформлении венчиков преобладают пальцевые зацепы, на втором месте находятся насечки по одной или по обеим граням венчика, далее следуют вертикальные или наклонные оттиски гребенчатого штампа, единично встречаются ямки. Шейка орнаментировалась горизонтальными рядами шнура или гребенки. Среди элементов орнаментации плечика преобладающими являются вертикальные или наклонные отпечатки гребенчатого штампа и шнуровые или гребенчатые «подковки» [Голдина, 1985, с.94–98]. В монографии, в разделе о культурном единстве памятников, Р.Д. Голдина отмечает: «Интересно, что погребальная керамика сохраняет и в родановское время ту же форму и орнаментацию, указывая на особую устойчивость приемов ее изготовления и украшения. Очевидно, в этой форме посуды отразилась с большой устойчивостью этническая традиция» [Голдина, 1985, с.141]. Здесь же подчеркивается, что «на всех ломоватовских памятниках большая часть узоров по шейкам сосудов выполнена оттисками гребенчатого штампа (31–58%) и шнура (28–56%). Эти же признаки отличают и раннеродановскую посуду...» [Голдина, 1985, с.142].

В.А. Оборин, характеризуя в публикациях *родановскую керамику*, к сожалению, не подразделял ее по этапам культуры, в результате общее описание, основанное на количественно преобладавших материалах раннего лаврятского этапа, в целом не показывает существенного отличия родановской керамики от ломоватовской, за исключением того, что, как подчеркивает автор, в сочетании с гребенчатым начинает использоваться кружковый орнамент [Оборин, 1970, с.10–14].

К настоящему времени за счет многолетних раскопок ряда могильников с материалами X–XI вв. (Баяновский, Рождественский, Огурдинский, Запосельский), селищ и городищ, где проанализирована керамика из закрытых комплексов, имеющих радиоуглеродные даты (Рождественское, Курпосское, Саламатовское городища, Чашкинское II, Запосельское, Калининское селища), получены убедительные свидетельства того, что как погребальная, так и поселенческая посуда до конца XI в. сохраняет абсолютно ломоватовский облик [Белавин, Крыласова, 2008, 2012; Крыласова и др., 2014]. Мало того, на Запосельском селище, где изучены сооружения VIII–IX и X–XI вв., не удалось проследить существенной разницы в керамическом комплексе. С учетом того, что особенности керамики довольно часто выступают основным критерием при выделении археологических культур, уже одно это следует признать свидетельством принадлежности прикамских материалов X–XI вв. к ломоватовской культуре.

Характеризовать комплекс *орудий и вооружения* в этой статье нам представляется бессмысленным, так как большинство их имели универсальный характер и представлены на обширной территории, хотя, безусловно, в сочетании с другими признаками они являются важным компонентом культуры.

Более значимыми для характеристики средневековых археологических культур являются *украшения*. Так, Н.Н. Крадин указывает, что во многих обществах важным символом этнической идентичности является одежда [Крадин, 2009, с.16]. Говоря об «одежде», он имел в виду костюм, детали которого в различных археологических культурах обладают спецификой. Хотя нужно оговориться, что украшения, аналогичные ломоватовским и родановским, могут встречаться и в других культурах (к примеру, шумящие биконьковые и арочные подвески являются характерным элементом женского костюма в угорской кушнаренокской культуре Южного Урала). М.И. Артамонов писал по этому поводу: «В любой археологической культуре имеются элементы, общие с другими археологическими культурами. Какому-нибудь отдельному признаку, сколь бы специфичным он ни казался, всегда можно отыскать аналогии в других культурах, но постоянное сочетание отдельных признаков за пределами данной археологической культуры представляет собой исключительно редкое явление» [Артамонов, 1971, с. 19].

Для сравнения возьмем украшения последней – урынской – стадии ломоватовской культуры (конец VIII–IX в.), выделенные В.Ф. Генингом и Р.Д. Голдиной как наиболее характерные для этого периода [Генинг, 1964, с.121–122; Голдина, 1985, с.131–132], и украшения X–XI вв., известные, в частности, по хорошо датированным комплексам Рождественского могильника [Крыласова, 2013]:

– «височные подвески крупные, украшенные зернью», имеются в виду так называемые височные подвески «с грушевидной привеской», по данным Рождественского могильника сохраняются до конца XI в., а наиболее «роскошные» экземпляры встречаются в кладах до XII в. [Подосенова,

2005]; височные подвески с гроздьевидными привесками бытовали как минимум до конца X в.;

– подвески, использовавшиеся в качестве украшений кос, выполнявшие наиболее важную знаковую функцию: *биконьковые* (шумящие, не шумящие и имитирующие гребешок) и *колесовидные* (которые В.Ф. Генинг и Р.Д.Голдина считали характерными для деменковской стадии ломоватовской культуры конца VII–VIII в.) – бытовали до середины XI в., *арочные* с ажурным растительным орнаментом и с изображением головы медведя, судя по материалам Баяновского могильника, сохранились на протяжении X в.;

– подвески шумящие «корбочки» и «трубчатые со спиралевидной основой» использовались на протяжении X в.;

– металлические *подвески-ложки*, объемные шумящие *пронизки-уточки* были распространены до середины XI в., *флаконовидные пронизки*, *подвески-костыльки* – до конца XI в.;

– массово продолжали использоваться названные В.Ф. Генингом ломоватовскими в качестве характерных «*малые пронизки с несколькими вздутиями, пронизки-спиральки, конические пронизки*»;

– поясные наборы в X–XI вв. становятся значительно более разнообразными, но на протяжении всего периода продолжают широко использоваться названные Р.Д.Голдиной типичными для ломоватова *восьмеркообразные пряжки, сердцевидные с округлой прорезью и щитовидные накладки*.

Перечень характерных деталей костюма позднего этапа ломоватовской культуры можно дополнить полифункциональными предметами: *гребнями с зооморфной стинкой*, которые были распространены с начала IX по начало XI в. [Крыласова, 2007, с.249–257], металлическими и костяными *копоушками*, получившими распространение с рубежа VIII–IX в. [Крыласова, 2007, с.288], *одноякорьковыми подвесками*, ранние варианты которых появились в IX в. [Крыласова, 2007, с.220].

Таким образом, в IX–XI вв., сохраняются практически все основные виды украшений, обеспечивающих специфику ломоватовского костюма.

Разрабатывая периодизацию ломоватовской культуры, Р.Д. Голдина отметила: «...невозможно отделить предметы 1-й половины IX в. от вещей его второй половины, в то время как разделение предметов IX и X веков не представляет особой трудности» [Голдина, 1985, с.133]. Это впечатление складывается по причине того, что с установлением тесных связей населения Предуралья с Волжской Булгарией в материалах Пермского Предуралья появляется большое количество вещей болгарского ремесленного производства. Среди них прежде всего поясные наборы и мелкие привески. Датировка комплексов X–XI вв. основывается преимущественно на таких массовых находках, как бубенчики с крестовидной прорезью, широко распространенные в Восточной Европе с середины X до второй четверти XII в., полые шаровидные привески, бытовавшие в Урало-Поволжье в X–XI вв., бронзовые бусы-«флакончики», которые датируются X – началом XI вв. [Кочкуркина, 1989, с.265]. Ближе к середине X в. одновременно с крестопрорезными бубенчиками распространились крупные бронзовые шаровидные бусы из двух половинок, которые бытовали, возможно, до середины XI в. Все эти предметы играли в костюме второстепенную роль и не меняли его общей специфики. К числу характерных особенностей украшений X–XI вв. можно отнести то, что многие из них (например, привески-ложки, копоушки, якорьковые подвески и пр., известные с VIII–IX вв.) начали дополняться шумящими привесками, но это можно расценивать лишь как результат естественной эволюции украшений, у которых ни форма основы, ни технология изготовления не претерпели никаких изменений. Следует отметить, что Рождественский могильник сопровождал одноименное городище, являвшееся болгарской торгово-ремесленной факторией в Прикамье – типичным средневековым городком, где достоверно доказано проживание кроме коренного населения выходцев из Волжской Булгарии, Поволжья, с Чепцы, Выми и других территорий. У языческой части этого населения начал формироваться своеобразный «надэтничный» костюм, из которого устранялись украшения, выступавшие в качестве «этномаркеров». К примеру, женские наконечники составлялись только из стеклянных и бронзовых бус без характерных шумящих подвесок, или использовались своеобразные подвески, у которых роль основы выполняла простая цепочка – к ней на цепочках крепились привески, как у обычных шумящих подвесок. «Мода» на подобный костюм распространилась и на представителей коренного населения, но в их погребения продолжали помещать хотя бы небольшой обломок какого-либо из характерных местных украшений (биконьковой, колесовидной и подвесок).

К числу важнейших признаков археологической культуры, по мнению А.П. Смирнова, следует относить *погребальный обряд* при учете всех особенностей его и устройства погребальных сооружений [Смирнов, 1964].

Выделенные Р.Д. Голдиной для грунтовых могильников ломоватовской культуры признаки погребального обряда следующие [Голдина, 1985, с.15–34]:

- погребения располагаются рядами, реже – без видимого порядка;
- преобладающая форма могильных ям прямоугольная, дно в основном плоское. Преобладают могилы глубиной 40–60 см;
- остатки погребальных конструкций представлены в виде следов дощатого или берестяного настила на дне могильной ямы;
- для ломоватовских могильников характерны два обряда: ингумация и кремация;
- ориентировка могильных ям очень разнообразная (Р.Д. Голдина не указывает тот факт, что преобладающее значение имела ориентировка «ногами к реке»);
- при ингумации умершие уложены на дне могилы вытянуто на спине, украшения и детали костюма располагались так, как использовались при жизни;
- в засыпи могильных ям встречаются угли и углистые пятна;
- в засыпи могильных ям нередко присутствуют кости животных, как правило, черепа (зубы) лошади, реже – крупного рогатого скота;
- на дне могил помещалась посуда с пищей (прослеживается различие в местоположении сосудов в зависимости от пола и возраста погребенных), иногда фиксируются остатки мясной пищи;
- в отдельные могилы помещались оружие, орудия труда и быта, конская упряжь;
- в некоторых случаях лица погребенных были покрыты серебряными масками с остатками шелкового покрывала под ними;
- в незначительной части могильных ям зафиксированы выступы-ниши у одной из боковых стенок, в которых иногда присутствуют фрагменты керамики или целые сосуды, угли;
- на площади могильников известны жертвенные ямы, располагавшиеся между могилами, в которых встречены кости (преимущественно головы и ноги крупного рогатого скота и лошадей), фрагменты керамики, стеклянные бусы, обломки вещей.

Все эти признаки присущи и погребениям X–XI вв. На Баяновском могильнике, где имеются погребения конца VIII в., дата отдельных комплексов определяется только по монетам и по корреляции датирующих предметов, в остальном никаких различий между ранними и поздними погребениями не прослеживается. Причем согласно наблюдениям, полученным при раскопках могильников, ряды могил, очевидно, принадлежали отдельным семьям, новые захоронения совершались на свободных местах между имевшимися (т.е. погребение X в. могло располагаться между погребениями IX в.) – это еще раз подчеркивает преемственность в погребальном обряде IX–X вв.

В процессе раскопок последних десятилетий удалось пополнить наблюдения, сделанные Р.Д. Голдиной: в некоторых случаях кроме остатков дощатого или берестяного настила на дне могильных ям удалось зафиксировать следы рамы из досок; по периметру некоторых погребений выявлены столбовые ямки небольшого диаметра от каких-то надмогильных сооружений; такие же ямки часто располагаются вокруг жертвенных ям; прослежено, что состав находок в выступах-нишах и жертвенных ямах (который, кроме указанных предметов дополнился довольно часто встречающимися удилами, отдельными украшениями) схож, что позволяет считать их явлением одного порядка; для отдельных мужских погребений характерно наличие набора хозяйственных и ремесленных орудий, расположенного компактным скоплением в ногах (Р.Д. Голдина упоминает о таких скоплениях при характеристике ремесленной деятельности и общественного устройства [Голдина, 1985, с.159, 166]).

Еще один культурный признак имеющий, на наш взгляд, большее значение для характеристики ломоватовской культуры, – *расцвет пермского звериного стиля*, наиболее ярко выразившегося в металлической пластике [Голдина, 1985, с.168]. В.А. Оборин относил этот признак и к родоновской культуре [Оборин, 1970, с.25–26], однако не указывал, что позже XI в. изделия культовой металлопластики в зверином стиле не встречаются.

При характеристике *жилищ ломоватовской культуры* Р.Д.Голдина выделила следующее: постройки прямоугольной формы, слабо углубленные в грунт, ограничены канавками вдоль длинных, а иногда и поперечных стенок; иногда прослеживаются остатки столбов, поддерживавших

перекрытие; перед входом – небольшой крытый тамбур; в центральной части жилища – открытый очаг на глиняном основании и две–три хозяйственные ямы [Голдина, 1985, с.85–90]. Все эти особенности присущи и жилищам X–XI вв. [Талицкий, 1951, с.37–42; Крыласова и др., 2014, с.227–230].

Таким образом, проанализировав сходство и различие материалов ломоватовской культуры и следующего периода X–XI вв., по всем основным признакам археологической культуры, можно констатировать, что не было никаких факторов, свидетельствующих о существенной трансформации, приведшей к смене археологической культуры в IX в. Установившиеся тесные контакты местного населения с Волжской Булгарией, безусловно, способствовали развитию ремесла, торговли, усилению имущественной дифференциации, но инновации еще не достигли того качественного уровня, который оказал бы существенное влияние на традиционную культуру. Указанное в качестве причины смены культур в IX в. исчезновение ряда памятников и появление новых могло быть обусловлено какими-то климатическими изменениями, которые, к примеру, привели к увлажнению отдельных территорий, что побудило людей переселиться на более возвышенные места, или по причине установления контактов с Булгарией возникли новые экономические центры, что также могло способствовать корректировке расселения на территории ломоватовской культуры.

Родановская археологическая культура занимает верхнее течение Камы с притоками, в основном в северных районах современного Пермского края, частично – в Кировской области. Она была выделена М.В. Талицким на основе раскопок Роданова городища, разведок и раскопок памятников XI–XIV вв. по рекам Иньве и Чусовой и изучения коллекций различных музеев. Позже В.А. Обориным были определены границы культуры, уточнена ее датировка (IX–XV вв.), разработана периодизация, выделены её этнические признаки, северный и южный варианты культуры. Этапы родановской культуры были названы по имени наиболее крупных памятников: ранний – лаврятский (IX–XI вв.) и поздний – рождественский (XII–XV вв.). По нашему мнению, к собственно родановской культуре можно относить только памятники XII–XV вв., а лаврятский этап принадлежит к предшествующей археологической культуре – ломоватовской. К настоящему времени в Прикамье известно более 140 поселений, могильников и местонахождений XII–XIII вв., условно разделяемых на девять территориальных групп: Камско-Колвинскую, Гаинско-Косинскую, Лупьинскую, Верхнекамскую (Зюздинскую), Яйвинско-Камскую, Иньвенскую, Обвинскую, Усьвинско-Чусовскую и Косьвинскую. Наиболее хорошо изучены городища Анюшкар, Рождественское, Искарское, Саламатовское; селища Запосельское, Чашкинское II и ряд могильников (Плотниковский, Антыбарский, Телячий Брод, Аверинский I). К XIV в., однако, из них продолжают функционировать только 49, а к XV в. – лишь 20 памятников (Вострокнутов, 2011, с.15–19). Наиболее заселенными в XIV–XV вв. были Гаинско-Косинская и Камско-Колвинская территории. За их пределами жизнь сохранялась только на крупных городищах: Анюшкар, Кудымкарское, Рождественское, являвшихся, вероятно, раннегородскими поселениями.

В.А.Оборин характеризовал родановскую культуру в целом, объединив материалы раннего и позднего этапа, в результате чего сложилось представление о преемственности ломоватовской и родановской культур, поступательном развитии их отдельных признаков. В реальности же собственно родановские материалы XII–XV вв. имеют существенные отличия от ломоватовских. Ориентируясь на накопленный за последние 30 лет и в основном введенный в научный оборот материал из раскопок КАЭЭ ПГГПУ, а также на результаты исследований В.А. Оборина, попробуем охарактеризовать родановскую археологическую культуру XII–XV вв.

Керамика. Традиционной чертой родановской посуды остается примесь толченой раковины; цвет серый и разных оттенков коричневого; на поверхности сосудов исчезают «расчесы», характерные для ломоватовской посуды, они заглажены мягким материалом; обжиг костровой. Среди форм сосудов сохраняется традиционная «прикамская чаша», но с уплощенным дном, часто такие сосуды дополняются одной или двумя петельчатыми ручками с площадкой сверху или без нее. В конце XI и особенно с XII в. распространение получают сосуды новых форм: сравнительно высокие горшки кошелевидной формы с максимальным расширением в нижней части, с короткой шейкой и резко отогнутым наружу венчиком, с плоским дном, плавно переходящим к стенкам; котлы близкой к цилиндрической формы с прямыми или слабо выпуклыми стенками, плоским дном, без шейки или с короткой слабо выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком, с двумя петлями для крепления железной дужки; дисковидные крышки. Венчики сосудов прямо срезанные, очень

редко орнаментированные гребенчатым штампом в виде наклонных отпечатков или косой решетки. В орнаментации по шейке и плечу преобладают нанесенные гребенчатым штампом горизонтальные и вертикальные «елочки», зигзаги в два–три ряда, «решетки»; эти же орнаменты покрывают площадки ручек, крышки сосудов. В.А. Оборин отметил увеличение числа сосудов с кружковым орнаментом (до 15%), который использовался в сочетании с гребенчатым, на основании чего сделал заключение, что «тип орнаментации родановской керамики... можно назвать гребенчато-кружковым» [Оборин, 1970, с.12]. В XII в. на отдельных сосудах прослеживается резная орнаментация – те же «елочки» или косая решетка, часто дополненные своеобразным элементом в виде пальцевых зашипов. Для XII–XIII вв. характерно дополнение орнаментации сосудов наклепными рельефными элементами – чаще всего это валик, проложенный по верхнему краю плечика сосудов, сгруппированные по два–три вертикальные выступы, наклепные колечки, распространение запесоченного глиняного теста. В XIV–XV вв., как показывают материалы Плотниковского могильника, орнаментация посуды обедняется, распространяются сосуды с плоским дном, резко отделенным от стенок. Характерными чертами керамического комплекса крупных городищ (раннегородских поселений) Предуралья XIII–XIV вв. являются наличие золотоордынской поливной посуды, а также появление отдельных образцов древнерусской посуды.

Украшения родановской культуры кардинально отличаются от изделий предыдущего периода по технологии изготовления и даже по материалу. Наряду со сплавами на основе меди для изготовления украшений начинают широко использоваться легкоплавкие металлы (олово и сплавы на его основе). Технология изготовления изделий из сплавов на основе меди может быть охарактеризована в общих чертах как сборка из отдельных проволочных или отлитых по их оттиску заготовок, скрепляемых путем заливки металлом. Эта технология начала распространяться с последней четверти XI в., первые единичные украшения в подобной технике встречаются в погребениях Рождественского могильника, по погребальному обряду и общему комплексу инвентаря они еще принадлежат к ломоватовским. Но с начала XII в. такие украшения становятся преобладающими и ярко характеризуют новую родановскую культуру. Среди носителей родановской культуры, безусловно, в числе основных компонентов сохранялось местное коренное население, представители которого способствовали сохранению некоторых категорий украшений, изменивших свой облик в связи с развитием новой технологии, – это шумящие подвески-накосники с арочной основой (одно из самых характерных украшений родановской культуры), а также редко встречающиеся шумящие однокорьковые подвески, копоушки, костыльковые подвески. В течение короткого периода на рубеже XI и XII вв. сохранялись и биконьковые шумящие подвески, являвшиеся одним из наиболее характерных элементов женского костюма в ломоватовской культуре, но они предельно стилизованны, в отличие от ломоватовских изготовлены в новой технологии, их привески-лапки приобретают своеобразную форму с высокой шейкой и перпендикулярно расположенной петлей, сочетающуюся с характерными для родановских шумящих украшений щитковыми цепочками (их настолько мало, что они не могли выступать «характерной особенностью украшений в родановской культуре», как считал В.А. Оборин [Оборин, 1970, с.18]). Такие же лапки сопровождали ранние типы объемных пронизок, синтезирующих в себе образы коня и водоплавающей птицы – они также резко отличаются от прежних пронизок-уточек по внешнему облику и технологии изготовления. В XII в. привески-лапки в составе шумящих украшений уже не использовались, их заменили бубенчики и колокольчики, покрытые рельефными, гладкими и насеченными «поясками». Наиболее характерными для родановской культуры становятся шумящие украшения, которые ни по форме основы, ни по способу ношения в костюме не находят аналогов в предшествующем периоде, – подвески с прямоугольной основой, снабженные парой петелек или биякорьковые, подвески с подковообразной основой также с парой петель, шумящие фибулы. Истоки этих украшений обнаруживаются в Поволжье. В XII в. некоторые биякорьковые подвески стали украшаться шатоном со вставкой из цветного стекла или сердолика – по образцу болгарских шейно-нагрудных украшений.

Среди изделий из легкоплавких металлов преобладают разнообразные медальоны и лунницы, мелкие колечки-нашивки и ажурные привески-лапки, использовавшиеся для обшивки одежды (традиция, также не характерная для предыдущего периода), реже встречаются пронизки, перстни и височные украшения – все они имеют аналоги в древностях европейского Северо-Запада, в частности, Новгорода. Указанные вещи не являлись импортом – наличие многочисленных форм для их отливки свидетельствует о местном производстве [Вострокнутов, Крыласова, 2012, с. 106]. Как

отмечают исследователи, возникновение моды на украшения из свинцово-оловянистых сплавов обычно связывается с волнами славянских переселенцев. Изготовление изделий из легкоплавких металлов не требует высокой специализации, и появление форм для их отливки свидетельствует о движении населения, а не мастеров [Щеглова, 2002, с.138–146]. При этом мало было наладить производство дешевых украшений, необходимо, чтобы они пользовались спросом [Щеглова, 2002, с.147], следовательно, распространялись они в основном в среде переселенцев, давно знакомых с подобными украшениями.

К числу особенностей родановской культуры можно отнести широкое распространение драгоценных ювелирных изделий с зернью и сканью. В предыдущий период такие изделия ограничивались в основном, одной категорией украшений – височными подвесками, в родановской культуре ассортимент ювелирных изделий расширяется (это медальоны, лунницы, пронизки, бубенчики, перстни и пр.), их своеобразие позволяет предполагать наличие собственных ювелирных мастерских в Предуралье [Подосенова, 2013, с.42-43]. К числу особенностей родановской культуры можно отнести и длительное сохранение (до конца XIII в.) наборных поясов с накладками из цветных металлов. Они не отличаются разнообразием – это стандартный набор из щитовидных накладок с «бабочковидным» орнаментом на основном ремне, сердцевидных, розетковидных накладок и наконечников с линейно-точечным орнаментом на поясных привесках. Этот набор местного производства широко распространился еще в XI в. и, очевидно, по причине отсутствия притока новых образцов, законсервировался в родановской культуре на длительный период. В поясах знати использовались также наборы из квадратных и круглых ювелирных накладок со скано-зерневым декором.

В погребальном обряде с использованием статистической характеристики прослежены такие изменения [Бочаров, 2000, с.110-125]:

- резко сокращается, а с XIII в. полностью исчезает обряд кремации,
- практически исчезают из жертвенного погребального комплекса кости животных,
- уменьшается количество погребений, содержащих в засыпи погребений фрагменты керамики,
- сокращается количество и разнообразие бус, металлических украшений костюма, деталей поясного набора, исчезают многие типичные украшения,
- очень резко сокращается содержание предметов вооружения и деталей конской сбруи,
- появляются качественно новые орудия труда, свидетельствующие о массовом переходе населения к пашенному земледелию.

К этому можно добавить еще одну особенность – исчезновение погребальных лицевых покрывал.

По мнению И.В. Бочарова, эти «заметные изменения в погребальном обряде, определенно свидетельствуют о значимых этнокультурных изменениях» [Бочаров, 2000, с. 125].

В жилищах родановской культуры можно отметить следующие изменения по сравнению с ломоватовскими:

- изменяется общая конструкция – распространяются исключительно наземные постройки, исчезают канавки по периметру домов,
- изменяется интерьер, в котором обнаруживаются следы перегородок, отопительные устройства переносятся с центра к одной из стен, косвенные признаки свидетельствуют о распространении мебели с плоскими поверхностями (столы, полки),
- изменяется тип отопительного устройства, вместо открытого очага распространяются глинобитные печи в деревянной опалубке, под которыми обычно размещена яма-подпечье для хранения кухонного инвентаря и пищевых запасов,
- большие ямы-кладовки выносятся за пределы жилища.

Жилища XII–XV вв., бревенчатые каркасно-столбового или срубного типа с двух- и односкатной крышей, крытой берестой, ставились прямо на землю, без канавок, пол глинобитный или покрытый тесом, тамбур огражден столбами с плетнем. По наблюдениям В.А. Оборина, площадь жилищ сокращается до 16–24 кв. м, хотя сохранялись и крупные дома. При раскопках КАЭЭ ПГТТУ ни одного малого жилища XII–XV вв. на селищах и городищах не зафиксировано, все изученные дома имели большую площадь. К домам примыкали приусадебные участки, огражденные частоколом из жердей. Вслед за В.А. Обориным можно говорить о появлении усадеб отдельных

семей.

Хозяйство родановцев комплексное с преобладанием пашенного земледелия. По оценке А.Н. Сарапулова, известно 239 находок ральников, большинство связано с памятниками северного варианта родановской культуры [Сарапулов, 2015, с. 52–54]. Типологически родановские пахотные орудия близки к древнерусским, резонно считать, что пашенное земледелие проникло в Пермское Предуралье в развитом северорусском варианте в процессе переселения в Предуралье славяно-финского населения Севера. Ральникам сопутствуют жернова, лесорубные топоры. В слоях конца XI–XIII в. значительно увеличивается количество находок зерна – ячменя, ржи, полбы, проса. Пробы с Рождественского городища показали, что здесь преобладали ячмень обыкновенный (34,4%), овес посевной (23,6%), полба-двузернянка (22,1%) и мягкая пшеница (18,5%), ржи встретилось относительно немного (1,4%) (определение В.В. Туганаева). Остатки зерен злаковых растений в большом количестве найдены на селище Запоселье I, Калининском селище, Городищенском и Анюшкарском городищах. Одновременно развивается молочное направление в животноводстве (на это указывает увеличение количества костей коровы, появление сосудов для фильтрования сыворотки и т.д.), что могло быть связано только с появлением нового населения, так как возможность употребления молока в пищу обусловлена генетически [Козлов и др., 2008, с.209–212], и если ранее молочное направление не развивалось, то население не испытывало потребности в данном продукте.

Перечисленные признаки собственно родановской культуры XII–XV вв. отражают ее существенное отличие от предшествующей ломоватовской V–XI вв. Смена культур была обусловлена трансформацией прежде всего хозяйственно-культурного типа. Накопленные в течение XI в. инновации привели к качественным переменам. Наиболее важным среди них был переход к пашенному земледелию и мясомолочному направлению в животноводстве, следствием чего явились существенные изменения в системе питания. Кроме металлургических ремесел, выделение которых произошло довольно рано, получили развитие ювелирное, деревообрабатывающее (столярное, бондарное), косторезное и другие ремесла, о чем свидетельствует распространение специализированного инструментария, серии предметов, указывающие на массовое товарное производство. Кроме этого, на протяжении XII–XIII вв. прослеживается влияние идей, перенятых от поволжских финнов, которые отразились прежде всего в технологии изготовления и формах украшений, возможно, эти идеи были привнесены небольшими группами мигрантов. Одновременно в XII–XIII вв. отмечается все усиливающееся со временем русское влияние, которое в XIV–XV вв. становится преобладающим. В этом уже, безусловно, нашел отражение начавшийся процесс так называемой «русской колонизации», который выражался в переселении на восток с западных территорий славянского и финского населения, в едином потоке колонизации в котором в XI–XIII вв. преобладали финны с уже освоенных древнерусским населением северных территорий (в том числе из Повыхегодья), а позже ведущим стал поток собственно древнерусского населения.

Таким образом, прослеживаются оба ведущих основания трансформаций, приводивших к смене археологических культур: и изменение хозяйственно-культурного типа и миграции, следовательно, смена ломоватовской культуры родановской произошла именно на рубеже XI и XII вв. Нужно отметить, что еще А.В. Шмидт, выделяя загарский этап X в., считал его переходным от ломоватовской (угорской) культуры к верхнекамской (пермской) [Шмидт, 1926, с. 161]. В.Ф. Генинг был выделен переходный период IX вв. между ломоватовской и родановской культурами [Генинг, 1964, с.95, с.122–124]. Двадцать лет назад нами была высказана мысль о нецелесообразности проведения границы между ломоватовской и родановской археологическими культурами Пермского Предуралья в IX в. [Белавин, Крыласова, 1997], позже в учебном пособии, были подробно изложены существующие точки зрения на периодизацию средневековых археологических культур Пермского Предуралья и сделан вывод о том, что древности до включительно XI в. правомернее относить к ломоватовской культуре [Очерки...2002, с.163–166].

Вероятно, имеет смысл относить IX–XI вв. к ломоватовской культуре или вычленив несколько этнокультурных этапов в периоде средневековья в Предуралье, не разбивая его на какие-либо археологические культуры.

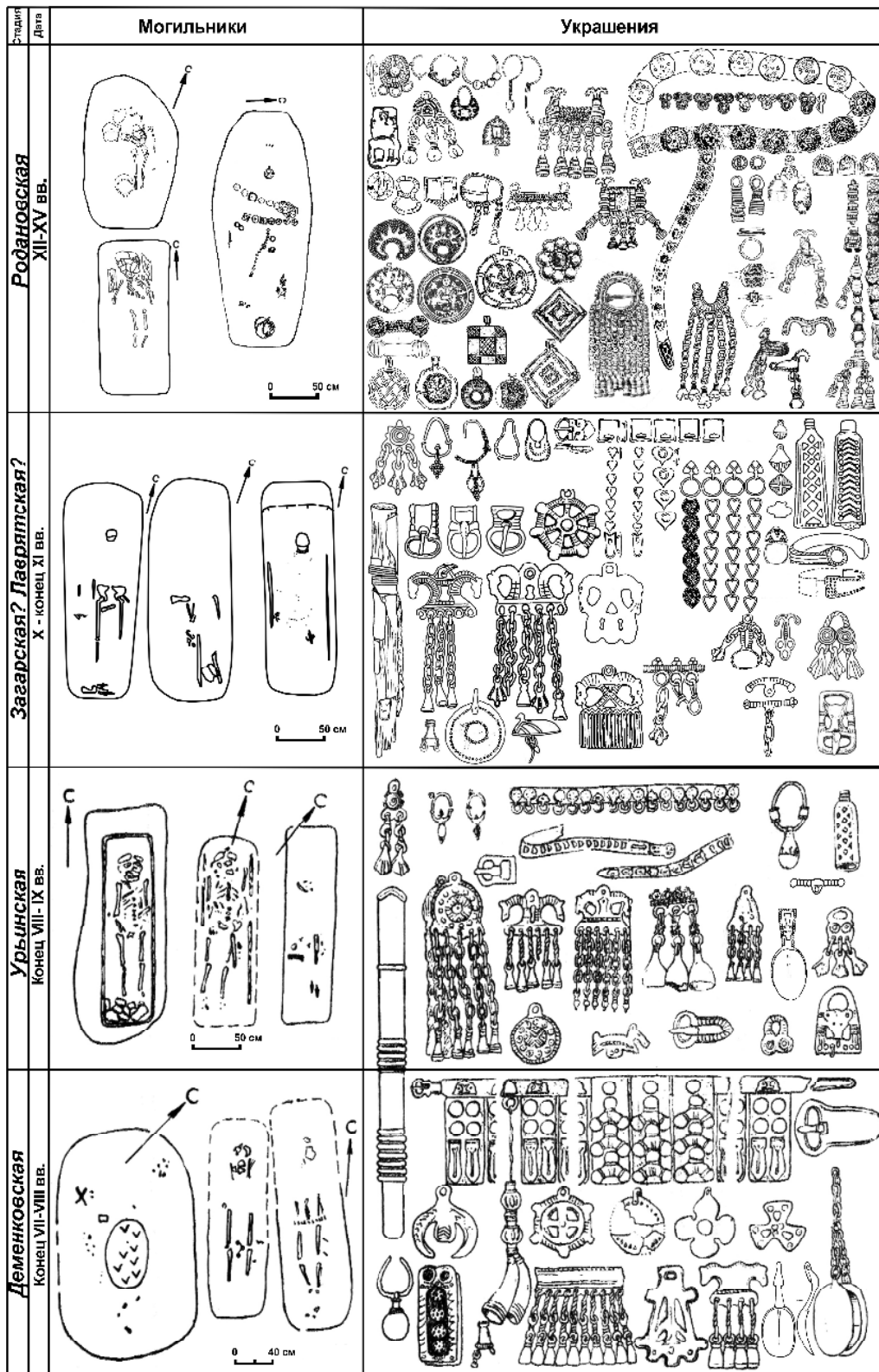

Рис. 1. Периодизация позднесредневековых древностей Пермского Предуралья: Деменковская, Урьинская стадии ломоватовской культуры (по Р.Д. Голдиной), загарский (по А.В. Шмидту) или лавратский (по В.А. Оборину) этап ломоватовской культуры (по А.М. Белавину, Н.Б. Крыласовой) – материалы Рождественского, Огурдинского, Запосельского могильников, селища Чашкинское 2, Редикорского городища; родановская культура – материалы Рождественского городища, селища и могильника Телячий брод, Саломатовского городища, Плотниковского могильника.

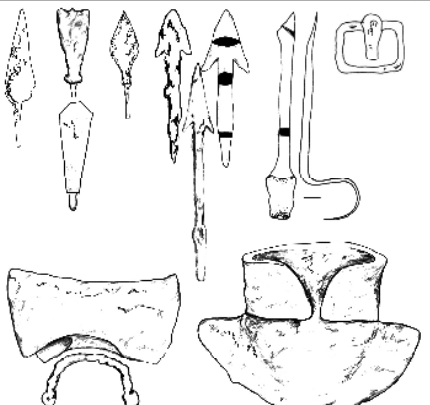
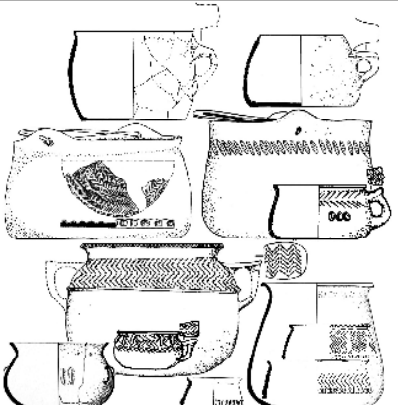
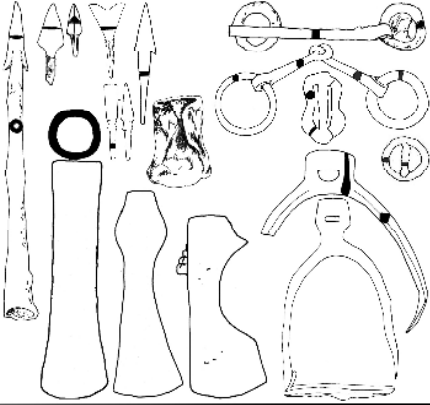
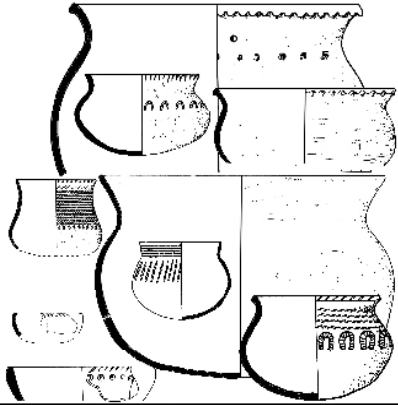
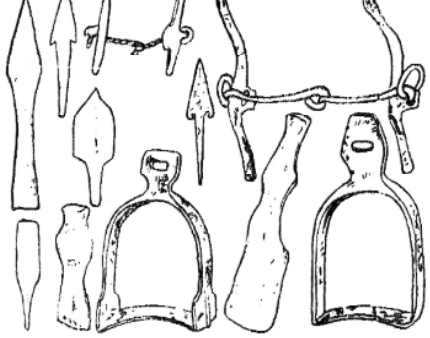

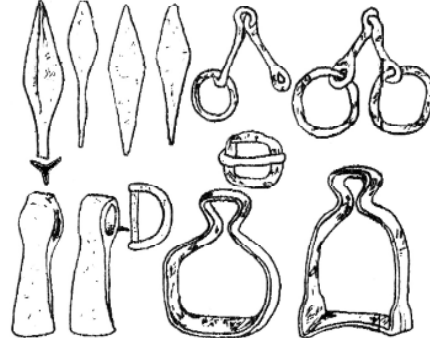

Ступень Дата	Оружие, орудия труда и предметы конской упряжи	Глиняная посуда
Родановская XII-XV вв.		
Загарская? Лаверятская? X - конец XI вв.		
Урьинская Конец VIII - IX вв.		
Деменковская Конец VII-VIII вв.		

Рис 1 (продолжение).

Библиографический список

- Артамонов М. И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 16-32.
 Археологическая культура. URL: <http://cribs.me/arkheologiya/arkheologicheskaya-kultura> (дата обращения: 25.11.15)

- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск // Археология Пермского края: свод археол. источников. Пермь, 2008. Вып.1. 603 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник // Археология Пермского края: свод археол. источников. Пермь, 2012. Вып.2. 259 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа // Коми-Пермяки и финно-угорский мир: матер. 1-й Междунар. науч.-практ. конф. Кудымкар, 26–27 мая 1995. Кудымкар, 1997. С.130–139.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Бочаров И.В. Пермское Предуралье в эпоху средневековья (проблемы археологической периодизации и этнических процессов) // Рос. археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: матер. науч. конф. Ижевск, 2000. С.318–322.
- Бочаров И.В. Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона: Опыт статистического анализа: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 235 с.
- Вострокнутов А.В. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI–XV вв.: Опыт картографического исследования с применением климатических данных // Казанская наука. 2011. №8. С.15–19.
- Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б. Украшения XII–XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. Вып. 1(18). С.105–113.
- Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 94–152.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. 280 с.
- Классификация в археологии. СПб., 2013. 251 с.
- Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // STRATUM plus. 1999. № 1. С.52–71.
- Козлов А.И., Боринская С.А., Санина Е.Д., Лисицин Д.В., Вершубская Г.Г. Отражается ли характер традиционного питания пермских и волжских финнов в их генофонде? // Тр. Камской археол.-этногр. экспедиции / отв. ред. А.М. Белавин. Пермь, 2008. Вып.5. С.206–212.
- Крадин Н.Н. Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований. Бернаул, 2009. Вып. 5. С.9–19
- Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. Пермь, 2013. Вып.1(21). С.107–112.
- Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера // Археология Пермского края: свод археологических источников. Пермь, 2014. Вып.3. 565 с.
- Кудрявцева (Мельникова) О. М. К вопросу об определении понятия «археологическая культура» в современной советской археологии // Археология и методы ист. реконструкций. Киев, 1985. С. 84–91.
- Кудрявцева (Мельникова) О. М. К проблеме выделения археологических культур // Ист. чтения памяти М.П. Грязнова: Теория и методология археологии. Омск, 1987. С. 49–53.
- Оборин В.А. Баяновский могильник на р. Косье // Учен. зап. Молотов. гос. ун-та. Т.9, вып. 3. Харьков, 1953. С.145–160.
- Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С.255–298.
- Оборин В.А. Памятники родановской культуры у с. Таборы. (Из работ Камской археологической экспедиции) // Краткие сообщения Ин-та истории матер. культуры. М.; Л., 1956. Вып. 65. С.107–118.
- Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1970. Вып. 9. С. 3–30.
- Очерки археологии Пермского Предуралья: учеб. пос. для студентов и аспирантов. Пермь, 2002. 253 с.
- Подосенова Ю.А. К вопросу о возможности существования в Пермском Предуралья в эпоху средневековья ювелирных центров // Казан. наука. 2013. № 5. С.40–44.
- Подосенова Ю.А. О некоторых особенностях конструкции и технологии изготовления верхнепри-

камских височных колец с грушевидной привеской и зерносканым декором // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Матер. междунар. науч.-практ. конф. Кудымкар, 2005. С.108–111.

Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным: монография. Пермь, 2015. 170 с.

Сидоров В.В. Трансформации культур // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/05/978-5-88431-251-7/> (дата обращения: 20.01.2016).

Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре // СА, 1964. № 4. С. 3–10.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Матер. и исслед. по археологии СССР. М., 1951. № 22. С. 33–96.

Щеглова О.А. Свинцово-оловянистые украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. Редактор А.Н. Кирпичников. СПб., 2002. С.134–150.

Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1927. Т. 6. С. 125–164.

Дата поступления рукописи в редакцию 31.01.2016

ON THE PROBLEM OF PERIODIZATION OF MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL CULTURES IN THE PERM CIS-URALS

A. M. Belavin, N. B. Krylasova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaia str., 24, 614990, Perm, Russia

Department of History, Archaeology and Ethnography, Perm Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Lenin str., 13a, 614000, Perm, Russia

belavin@pspu.ru

n.krylasova@mail.ru

The chronological boundaries of archaeological cultures are usually identified by the moments of cultural transformation caused by the migrations or changes of economic and cultural types. The medieval epoch in the Perm Cis-Urals is divided into the Lomovatov and Rodanov archaeological cultures on the basis of the assumption that a range of sites ceased to be used in IX century and it might be that in that period, the population of the Upper Kama region faced certain considerable changes. The comparison of material culture of X and XI centuries with the last stage of the Lomovatov culture shows that there was no transformation in the given time. The period attributed to the Lavryatsky stage of the Rodanov culture is a direct continuation of the Lomovatov culture. The specificity of the period is determined by the influence of the Bulgar culture, but all categories of material culture retain the traits of the Lomovatov culture. The real transformation of cultures occurred between XI and XII centuries, when the transition to tillage agriculture changed the economic and cultural type radically altering all categories of material culture. In XII–XIII centuries, they were changed under the influence of the ideas borrowed from the Volga Finns. This was manifested primarily in the technology and forms of jewelry. At the same time, the Russian influence was on the rise, which became predominant in XIV–XV centuries, reflecting the process of the “Russian colonization”, which was manifested in the migration of the Slavic and Finnish population from the western territories to the east. Thus, both basic reasons for the change of an archaeological culture can be traced: the alteration of economic and cultural type and migration. It means that the transition from the Lomovatov to the Rodanov culture occurred between XI and XII centuries.

Key words: archaeological culture, periodization, transformation, the Lomovatov and Rodanov culture.

References

Arkheologicheskaya kul'tura. URL: <http://cribs.me/arkheologiya/arkheologicheskaya-kultura> (data obrashhenija: 20.01.2016).

Artamonov M. I. Arkheologicheskaya kul'tura i etnos. *Problemy istorii feodal'noy Rossii*. L., 1971. S. 16–32.

Belavin A.M., Krylasova N.B. Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk. *Arkheologiya Permskogo kraja: svod arkheologicheskikh istochnikov*. Vyp.1. Perm', 2008. 603 s., il.

Belavin A.M., Krylasova N.B. Ogurdinskiy mogil'nik. *Arkheologiya Permskogo kraja: svod arkheologicheskikh istochnikov*. Vyp.II. Perm', 2012. 259 s.

Belavin A.M., Krylasova N.B. Osnovnye etapy etnokul'turnoy istorii Permskogo Priural'ya v epokhu zheleza. *Komi-Permyaki i finno-ugorskiy mir. Materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kudymkar, 26–27 maya 1995. Kudymkar, 1997. S.130–139.

- Belavin A.M., Krylasova N.B., Bocharov I.V. Permskoe Predural'e v epokhu srednevekov'ya (problemy arkheologicheskoy periodizatsii i etnicheskikh protsessov). *Rossiyskaya arkheologiya: dostizheniya KhKh i perspektivy XXI vv. Materialy nauchnoy konferentsii*. Izhevsk, 2000. S.318–322.
- Bocharov I.V. Srednevekovyy pogrebal'nyy obryad Verkhnego Prikam'ya kak istochnik rekonstruktsii etnicheskoy istorii regiona: Opyt statisticheskogo analiza: dis. ... kand. ist. nauk. Ufa, 2000. 235 s.: il.
- Gening V.F. Demenkovskiy mogil'nik – pamyatnik lomovатовskoy kul'tury. *Voprosy arkheologii Urala*. Vyp. 6. Sverdlovsk, 1964. S. 94–152.
- Goldina R.D. Lomovатовskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e. Irkutsk, 1985. 280 s.
- Klassifikatsiya v arkheologii. SPb., 2013. 251 s.
- Kleyn L.S. Migratsiya: arkheologicheskie priznaki. *STRATUM plus*. 1999. № 1. S.52–71.
- Kozlov A.I., Borinskaya S.A., Sanina E.D., Lisitsin D.V., Vershubskaya G.G. Otrazhaetsya li kharakter traditsionnogo pitaniya permskikh i volzhskikh finnov v ikh genofonde? *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*. Vyp.5 / otv. red. A.M. Belavin. Perm', 2008. S.206–212.
- Kradin N.N. Arkheologicheskie kul'tury i etnicheskie obshchnosti. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. Vyp. 5. Bernaul, 2009. S.9–19.
- Krylasova N.B. Khronologicheskie osobennosti material'noy kul'tury X-XI vv. (po materialam Rozhdestvenskogo mogil'nika v Permskom krae). *Vestnik Permskogo universiteta*. Vyp.1(21). Perm', 2013. S.107–112.
- Krylasova N.B., Lychagina E.L., Belavin A.M., Skorniyakova S.V. Arkheologicheskie pamyatniki Chashkinskogo oze-
ra. *Arkheologiya Permskogo kraja: svod arkheologicheskikh istochnikov*. Vyp.3. Perm', 2014. 565 s.
- Kudryavtseva (Mel'nikova) O. M. K probleme vydeleniya arkheologicheskikh kul'tur. *Istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova. Teoriya i metodologiya arkheologii*. Omsk, 1987. S. 49–53.
- Kudryavtseva (Mel'nikova) O. M. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «arkheologicheskaya kul'tura» v sovremennoy sovetskoy arkheologii. *Arkheologiya i metody istoricheskikh rekonstruktsiy*. Kiev, 1985. S. 84–91.
- Oborin V.A. Bayanovskiy mogil'nik na r. Kos've. *UZ MolGU. T.IX, v.3. Trudy kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii*. Khar'kov, 1953. S.145–160.
- Oborin V.A. Etnicheskie oso-bennosti srednevekovykh pamyatnikov Verkhnego Prikam'yaю *VAU. Vyp. 9: Pamyatniki lomovатовskoy kul'tury*. Sverdlovsk, 1970. S.3–29.
- Oborin V.A. Etnicheskie osobennosti srednevekovykh pamyatnikov Verkhnego Prikam'ya. *Voprosy arkheologii Urala*. Sverdlovsk, 1970. V. 9. S. 3–30.
- Oborin V.A. Komi-permyaki. *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v srednie veka*. Izhevsk, 1999. S.255–298.
- Oborin V.A. Pamyatniki rodanovskoy kul'tury u s. Tabori. (Iz rabot Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. Vyp. 65. M.; L., 1956. S.107–118.
- Ocherki arkheologii Permskogo Predural'ya: uchebnoe posobie dlya studentov i aspirantov. Perm', 2002. 253 s.
- Podosenova Yu.A. K voprosu o vozmozhnosti sushchestvovaniya v Permskom Predural'ya v epokhu srednevekov'ya yuvelirnykh tsentrov. *Kazanskaya nauka*. 2013. № 5. S.40–44.
- Podosenova Yu.A. O nekotorykh osobennostyakh konstruktssii i tekhnologii izgotovleniya verkhneprikamskikh visochnykh kolets s grushevidnoy priveskoy i zernoskanym dekorom. *Komi-permyaki i finno-ugorskiy mir. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kudymkar, 2005. S.108–111.
- Sarapulov A.N. Srednevekovoe zemledelie Permskogo Predural'ya po arkheologicheskim dannym: monografiya /A.N. Sarapulov; Perm. gos. gumanit.-ped. un-t. Perm', 2015. 170 s.
- Shcheglova O.A. Svintsovo-olovyanistye ukrasheniya VIII-X vv. na Severo-Zapade Vostochnoy Evropy. *Ladoga i ee sosedi v epokhu srednevekov'ya / Otv. Redaktor A.N. Kirpichnikov*. SPb., 2002. S.134–150.
- Shmidt A.V. K voprosu o proiskhozhdenii permskogo zverinogo stilya. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii*. T. VI, L.:1927. S. 125–164 (3 tabl.).
- Sidorov V.V. Transformatsii kul'tur. Elektronnaya biblioteka Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/05/978-5-88431-251-7/> © MAE RAN (data obrashheniya: 20.01.2016).
- Smirnov A. P. K voprosu ob arkheologicheskoy kul'ture. *SA*, 1964. № 4. S. 3–10.
- Talitskiy M.V. Verkhnee Prikam'e v X-XIV vv. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. M., 1951. № 22. S.33–96.
- Vostroknutov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki basseyna Verkhney Kamy XI–XV vv. Opyt kartograficheskogo issledovaniya s primeneniem klimaticheskikh dannykh. *Kazanskaya nauka*. 2011. №8. S.15–19.
- Vostroknutov A.V., Krylasova N.B. Ukrasheniya XII-XIV vv. iz legkoplavkikh metallov na territorii Permskogo Predural'ya. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. № 1(18). Perm': PGNIU, 2012. S.105–113.